

Н. М. ЩЕРБАНОВ
Москва

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ В ЗАПИСЯХ И. И. ЖЕЛЕЗНОВА

Песенный фольклор уральских (яицких) казаков, записанный И. И. Железновым (1824—1863), не был еще предметом специального изучения. В настоящей статье делается попытка определить объем и ценность собранных Железновым былин и исторических песен, исследуются принципы их собирания и публикации. Кроме этого, прослеживаются связи песенного фольклора Урала (Яика) с историческими событиями, которые оказывали влияние на судьбу этого края, а также с бытом, трудовой жизнью, обрядами и обычаями казаков.

Большая часть былин и исторических песен («Предания и песни уральских казаков»¹ и «Сказания уральских казаков»²) впервые была опубликована собирателем в журналах. Позднее эти работы вошли в богатое фольклорными и этнографическими материалами собрание сочинений Железнова в трех томах под общим названием «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» (1888)³. В конце XIX в. в сборниках уральских казачьих песен⁴ было помещено еще несколько песен из архива собирателя с пометкой «С рукописи Железнова». Последний раз фольклорные материалы из архива Железнова публиковались в 1918 г.⁵ Впоследствии архив был утерян. Отсутствие рукописных материалов Железнова существенно осложняет разрешение поставленных выше проблем.

Железнов записал почти все известные на Урале сюжеты былин. В записях встречаются былины: «Добрыня и Маринка», «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец на соколе-корабле», «Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь» и «Харко» (о сподвижнике Разина). Последующие собиратели и издатели фоль-

¹ «Русский вестник». М., 1859, № 3, 4.

² «Библиотека для чтения». Спб., 1861, № 2—8.

³ Это издание с некоторыми добавлениями было повторено в 1910 г.

⁴ Н. Г. Мякушин. Сборник уральских казачьих песен. Спб., 1890; А. и В. Железновы. Песни уральских казаков. Спб., 1899.

⁵ «Яицкая воля», 1918, № 67, 71—73, 89, 96, 98, 102—104.

клора уральских казаков Н. Г. Мякушин и Александра и Владимир Железновы в основном перепечатывали записанные в свое время Железновым былины, добавляя некоторые варианты к уже известным сюжетам. В публикациях Железнова отсутствуют только два былинных сюжета, имевшиеся, по-видимому, в устном репертуаре уральских казаков. Это, во-первых, былина о Дюке Степановиче, имеющаяся в единственной записи П. И. Небольсина⁶ и позднее перепечатанная Н. Г. Мякушиным в его сборнике⁷. Вторая былина о Ставре Годиновиче также известна только в одном варианте. С пометкой «Записана от 75-летнего старика-казака В. Ф. Ж.» она была опубликована в сборнике А. и В. Железновых «Песни уральских казаков». По этим записям почти невозможно судить о степени распространенности сюжетов о Дюке и Ставре среди уральских казаков. Вместе с тем можно предположить, что если бы эти сюжеты бытовали среди уральских казаков, они, без сомнения, были бы зафиксированы Железновым. Не случайно ученые сомневались в подлинности этих записей. Так, В. Ф. Миллер, считая былинку о Дюке «сильно подправленной», признавал, что она, «кроме подправок... не представляет отличий от донской»⁸. Текст былины о Ставре В. Ф. Миллер совершенно справедливо считал искаженным; имя Ставра, по его мнению, «перенесено в другой сюжет»⁹.

Железнов не только записал от казаков в середине XIX в. былины, но и сделал ряд интересных выводов и наблюдений над характером их бытования. Он пришел к выводу, что раньше, в XVII—XVIII вв., былевой репертуар уральских казаков был более разнообразен. Так, приведя былинку «Устиман-зверь», Железнов сообщает: «Старики-уральцы... сказывали мне, что песня об Устимане-звере в старину была на Урале в большом ходу, но с 1820-х годов ее почти не стало слышно. Сколько, думаю, пропало подобных песен»¹⁰.

Железнову посчастливилось наблюдать живое бытование былин среди казаков. Вместе с тем былина в развернутой классической форме уже в то время была большой редкостью. Собира- тель с сожалением писал: «Вообще в памяти молодого поколения

⁶ Павел Небольсин. Уральцы.—«Библиотека для чтения», т. 131, 1856, с. 96—97.

⁷ Н. Г. Мякушин ошибочно указывает источник («Библиотека для чтения», 1861, № 3), откуда была взята для перепечатки былина. В этом номере журнала действительно напечатаны фольклорные материалы уральских казаков, кстати, в записи И. И. Железнова, но былины о Дюке Степановиче там нет. В. Ф. Миллер, анализировавший эту былинку в своей статье «Казачьи эпические песни XVI—XVII вв.» (Очерки русской народной словесности. М.—Л., 1924, с. 277), также неточно указывает источник первой публикации былины («Библиотека для чтения», 1851, № 3).

⁸ В. Ф. Миллер. Казачьи эпические песни XVI—XVII вв.—В кн.: Очерки русской народной словесности, т. 3, с. 277.

⁹ Там же, с. 281.

¹⁰ И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 1. Спб., 1919, с. 153 (далее — Уральцы).

казаков мало сохранилось старинных песен, а если и сохранилось что, то в весьма небольших и, большей частью, нескладных отрывках»¹¹. Причины забвения былинных текстов Железнов объясняет изменением всего строя бытовой и экономической жизни казачества. «Дух времени берет свое», — подытоживает свое суждение собиратель¹². Железнов, однако, не сумел рассмотреть в этих «отрывках» своеобразных черт, характерных для уральских казачьих былин. Былины, записанные Железновым да и позднейшими собирателями, нельзя рассматривать как отрывки классических былин, отличающихся «краткостью, скомканностью содержания, контаминациями»¹³, это, по справедливому утверждению А. М. Астаховой, «особые песенные сюжеты, рисующие богатырей в различных обстоятельствах»¹⁴. Наличие былины в современном фольклорном репертуаре уральских казаков подтверждает эту мысль. Тексты былин и примечания к ним собирателя позволяют ответить на ряд интересных вопросов. Во-первых, почему именно данные сюжеты былин были распространены среди казачества, и, во-вторых, какие изменения претерпели эти сюжеты во время длительного бытования на Урале. Попав в казачью среду, классическая былина прошла, на наш взгляд, несколько стадий развития.

Можно высказать предположение, что на первой стадии былины усваивались в казачьей среде в своем полном классическом виде. Этот процесс продолжался примерно до начала XIX в. Уже в середине XIX в. Железнову удалось зафиксировать только один случай, когда старый казак И. М. Бакиров знал былинку «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» в полном объеме. Большинство же исполнителей, от которых Железнов записывал эту былинку, сохранили в своей памяти только начало ее. Собиратель сообщает: «Случалось мне, кроме Ивана Михайловича, сталкиваться с казаками-песенниками, — певали они про Добрыню эту самую песню, но дальше начала все-таки не шли, всегда почти останавливались на словах старой вдовы Афимьи Александровны:

«Не умеешь ты, Добрынюшка, коня седлать,

Ты коня седлать, Добрынюшка, конем владеть...»¹⁵.

В это же время создаются и собственно казачьи сюжеты былин, такие, как «Харко», «Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», а также «Илья Муромец на соколе-корабле»¹⁶.

¹¹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 230.

¹² Там же.

¹³ В. Ф. Миллер. Казачьи эпические песни XVI—XVIII вв., с. 249.

¹⁴ А. М. Астахова. Вопросы изучения донской былины. — В кн.: Народная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 года. Ростов-на-Дону, 1963, с. 61.

¹⁵ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 230.

¹⁶ К подобному типу эпических песен относится и песня о подвигах казачьего героя Алексеюшки Митрасова, записанная П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ. в 1838 г. См.: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968, с. 351—352.

Основой этих былин послужили местные события, опозитизированные в духе классической эпической традиции. Талантливые казачьи сказители при создании былин умело использовали общие места эпической поэзии, ее художественно-образительную структуру и лексические элементы. Особенно примечательна в этом смысле былина «Харко», записанная от И. Н. Чакрыгина. Харко, по преданию, был сподвижником Разина. После того, как крестьянского вождя казнили, Харко и двенадцать его друзей перебрались с Волги на Яик. Харко поселяется на Яике, чтобы очищать «расейские праницы от орды поганой». «Харко» — произведение героического содержания. Социальные мотивы в нем совершенно отсутствуют, хотя, по утверждению сказителя И. Н. Чакрыгина, Харко являлся одним из руководителей разинского движения. На первый план в былине выдвигается тема защиты родной земли от набегов кочевников. События, изображенные в былине, по-видимому, относятся к началу заселения Яика русскими людьми. Харко выступает как былинный богатырь, охраняющий русскую землю от кочевников. Он побеждает многочисленные войска ордынцев благодаря своей силе, ловкости, бесстрашию и хитрости. Харко напоминает Алешу Поповича. Так, он не нападает прямо на огромную вооруженную толпу ордынцев, а вначале хитростью угоняет у них лошадей и потом уже, на богатырском коне, вооруженный пикой и пищалью, нападает на пеших врагов и уничтожает их. Харко также свойственны и некоторые черты Соловья-разбойника. Как и Соловей-разбойник, живущий «на семи дубах»,

Увил, ухитил Харкушко
Себе тепло гнездышко
На высоком семиствольном сокороре.
И зажил в нем, словно во палатушках.
Под навесом у корня сокорь-дерева
И день и ночь стоял наготове
Богатырский конь оседланный¹⁷.

На врагов Харко бросается «с ужасным криком» (ср. свист Соловья), облик его «зверообразен», от его вида кочевники «взвизгивают» и «одуревают». Вместе с тем это глубоко симпатичный для уральских казаков герой. Он патриот своей земли, защищает не только родной Яик, но радуется о всей России. Харко служит надежной защитой, которую не могут преодолеть «киргизские хвастливые батыри», стремящиеся

Перелезть Яик-реченьку;
Потом идти к матушке Волге-реке,
Грabitь, разорять селенья расейские,
Иль бо улусы калмыцкие, пагайские¹⁸.

Враги в «Харко» также изображаются в традиционной эпической

¹⁷ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 44.

¹⁸ Там же.

манере. Они, в отличие от Харко, скромного в еде («кушает» щербу (уху) с пшеничными сухариками),

Жрут махан, похваливают,

Пьют кумыс, покрякивают.

О голенища пальцы повытирывают,

Чрез бороды слюнами подзвывают.

Пьют, жрут, прохлаждаются,

Надеждой будущих удач потешаются¹⁹.

На второй стадии, начиная приблизительно с конца XVIII в., былина, сохраняя традиционную общерусскую основу, значительно изменяется. Текст ее сокращается, забываются отдельные эпизоды. Основное внимание сосредоточивается на распевах наиболее важных, центральных ситуаций. Иногда же распевается только начало былины с прибавлением к нему сокращенного окончания. К середине XIX в., собственно к моменту записи Железновым основных былинных сюжетов, их тексты приобрели уже четкую выраженную краткость и композиционную завершенность. Особенно ярко эти изменения видны в былине «Добрыня и Маринка». Эта былина, как указывает Железнов, была очень популярна на Урале. Эпическая Маринка ассоциировалась исполнителями-казаками с исторической личностью авантюристки Марины Мнишек, которая вместе с Иваном Заруцким скрывалась от преследования царских войск на Яике после бегства из Астрахани в 1614 г. Былина записана Железновым со слов И. Н. Чакрыгина и помещена в историческом предании «Маринка-чародейка». От исполнителя этой былины Железнов записал большое количество песен, преданий и легенд прекрасной сохранности. В его исполнении былина заканчивается тем, что Добрыня выгоняет Маринку из Кивеа и обещает обратиться ее «сорокою белобокою, кобылицею водозвозною»²⁰. Далее следует собственно историческое предание, мало связанное с эпическим сюжетом.

За период многовекового бытования среди казаков эта былина претерпела существенные изменения, в ней сохранился только основной эпизод — столкновение Добрыни и Маринки. При этом особое внимание в былине сосредоточено на «двух голубчиках», которые показаны как противники Добрыни. Голуби олицетворяют собой зло и чародейство, идущие от Маринки, поэтому действия Добрыни, когда он стреляет в них, вполне естественны. Былина даже дает разъяснение, почему Добрыня стреляет именно в голубей:

Не убил-то Добрыня голубчика сизенькова,

А убил у Маринки друга миленькова —

Друга милого, Змея Тугарина!²¹

Этим вполне исчерпывается конфликт былины. Такие былины,

¹⁹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 45.

²⁰ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 250.

²¹ Там же.

как «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алешки», «Илья Муромец и разбойники» и «Илья Муромец на соколе-корабле», сохранили к этому времени, в основном, эпизод отъезда богатыря из дома, само же действие в них или отсутствует, или очень сокращено. Получилась на первый взгляд странная картина: запев былины стал основным в новом тексте, а самое главное — подвиг богатыря как бы выпал из поля зрения сказителей. На это обстоятельство обратил внимание Б. Н. Путилов. Анализируя былинно о соколе-корабле, он писал: «Композиционно былина о соколе-корабле (а отчасти и былина о встрече Ильи с разбойниками) построена не по классическим эпическим канонам: в ней экспозиция занимает больше места, чем само повествование. Былина начинается широко и размахисто, но этого размаха хватает лишь на общее описание. Само действие сворачивается очень быстро. Это придает былине статичность. С другой стороны, герои не успевают ни получить сколько-нибудь достаточной характеристики, ни раскрыться в непосредственном конфликте»²². Объяснение этому факту, вероятно, нужно искать в условиях жизни казачества, особенностях их бытового уклада. Былинные запевы, в которых рассказывается об отъезде богатыря, выборе и седлании им коня, о сборах в дальнюю дорогу, были наиболее близки казакам, импонировали их чувствам.

Следует также указать и на то, что тема отъезда казака на военную службу, прощания его с родиной и родными—одна из самых популярных в казачьем фольклоре. Железнов приводит описание обрядов, совершаемых во время проводов, а также песни, исполняемые при этом. Одну такую песню «Уж конь ты наш серый, конь серопегий» Железнов привел в предании «Хива». По словам сказителя А. Д. Барсукова, песня эта исполнялась казачками при провадах казаков в хивинский поход. Содержанием песни является просьба-обращение матери к коню о том, чтобы он сберег сына на поле брани:

Уж конь ты наш серый,
Конь серопегий.
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.

²² Б. Н. Путилов. К вопросу о составе Разинского песенного цикла (былина о соколе-корабле). — В кн.: Русский фольклор. т. 6. М.—Л., 1964, с. 327. Б. Н. Путилов, устанавливая подлинность публикаций былины о соколе-корабле, полагает, что вариант Железнова «является скорее всего слегка подправленной копией с публикаций А. Рябинина». По его мнению, текст былины «выписан Железновым из книги Рябинина» (с. 328). Эти утверждения явно ошибочны. Во-первых, при публикации казачьих песен (3 сюжета) в своей книге «Уральское казачье войско» (ч. 1. Спб., 1866, с. 385—386), А. Рябинин сам пользовался записями Железнова, вероятно архивными. Вот что он пишет по этому поводу: «Из записанных же и изданных песен самая верная и лучшая редакция принадлежит И. Железнову; остальные грешат против истины и страдают неуместными поправками» (с. 385). Во-вторых, Железнов не мог пользоваться книгой А. Рябинина, вышедшей в 1866 г., по той простой причине, что умер еще в 1863 г.

Не дай ты взять верху над собой
Коню басурманина.
Вывези мово сына
На родимую сторонку.

В награду коню обещается:

Подкую тебя
На серебряны подковки;
Сплету я тебе своими руками
Уздечку шелковую;
Покрою тебя
Попоной ковровою;
Уберу я тебе гриву
В ленты алые.
Будешь ты у нас стоять
В стойлице ясеновом;
Будешь ты у нас есть
Белоярую пшеничку;
Будешь пить
Воду ключевую,
А не то сыту медвяную²³.

Аналогичные мотивы, в частности обращение к коню, мы находим и в казачьих былинах. Так, Добрыня обращается к коням:

Уж вы, гой еси, мой кони добрые,
Кони добрые, все иноходные!

Сослужите мне службу медальную и неближнюю...²⁴

Подобная поэтизация коня заметна и в былинке «Спор сокола с конем»²⁵.

Можно предположить, что и некоторые былины могли исполняться во время казачьих проводов на войну²⁶. Правда, Железнов не дает таких сведений, но в ряде случаев отмечает то функциональное разнообразие, которое приобретала классическая былина, попадая в казачью среду. Представляется довольно важным его указание на то, что былина «Устиман-зверь» и «Индрик-зверь» были особенно любимы казаками-охотниками, так называемыми гулебщиками. Былина «Устиман-зверь» записана от охотника на сайгаков Осипа Вертячкина, а «Индрик-зверь» — от Ивана Чакрыгина. Последний так характеризуется собирателем: «Иван Никитич — рыбак в полном и обширном смысле слова. Был он в свое время и гулебщик (охотник) записной, но время то давно

²³ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 101.

²⁴ Там же, с. 230.

²⁵ Там же, с. 127—128.

²⁶ Об использовании былинных текстов в качестве обрядовых известно в науке. Так, А. А. Краевский сообщал из Сибири о том, что былина о сокол-корабле исполнялась там во время святок как обычная колядка. См.: «Русская старина». Спб., 1874, т. 11, с. 185—186. Интересно, что былина «Добрыня и Маринка» у уральских казаков известна как свадебная песня. Исполнительница В. Н. Красильникова, передавая в 1973 г. нам эту былинку, сообщила, что впервые услышала ее на свадьбе.

отошло: слабость зрения и глухота сделали Ивана Никитича неспособным к охоте»²⁷. Характерно, что персонажи этих былин воспринимались исполнителями не как фантастические, чудные существа, а как обыкновенные звери, хоть и довольно грозные. И. Н. Чакрыгин комментирует былинку об Индрике-звере следующим образом: «Вот он какой, собака лютый Индрик-зверь! Сунься-ка на него — ожгесся, зуб скусишь. Побить такого зверя, касатик, не мутовку облизать»²⁸. В былинке «Устиман-зверь» рисуется довольно реальная, осовремененная картина охоты на зверя:

На дубу на том сидел не сизой орел,
Не сизой орел—удалый добрый молодец.
Уж он метился из винтовочки глазом верным,
Попадал же он Устину-зверю в ретиво сердце...²⁹

Такое осовременивание довольно характерно для казачьих былин. Так, например, Илья Муромец (былина «Илья Муромец и разбойники») напоминает старого казака, который по старости лет уже не участвует в рыбной ловле, а выполняет подсобную работу. При встрече с разбойниками он просит:

Примите меня, братцы, в товарищи
Или в кашеварники,
Или хоть буду я на вас чулки сушить...³⁰

Основной промысел уральского казачества — рыболовство — нашел отражение и в былинке «Харко», в которой упоминается «Як-реченька» и «рыба красная, пужливая, прихотливая»³¹.

Само существо записанных былинных текстов, тематическая избирательность, сопровождение их обширными историческими и этнографическими пояснениями говорят об историко-этнографической направленности собирательской работы Железнова. Некоторые комментарии к былинам настолько подробны и обстоятельны, что, по сути дела, представляют собой научно-исследовательские статьи. Судя по этим комментариям, Железнов рассматривал казачью былинку и — шире — весь казачий фольклор в диалектическом единстве с историей и бытом народа, с социальным строем общества. Образцом такого комментирования является примечание к былинке «Устиман-зверь». Во-первых, Железнов пытается выяснить этимологию имени зверя Устиман. Он пишет: «В лице Устимана-зверя мы должны видеть не настоящего какого-нибудь зверя, а старинного азиатского, например, татарского героя, батыря, который, вероятно, делал нападения на русские жилища и которого, по дикости и зверству, русские уподобили зверю. Может быть, имя рыцарю было: Утемис, Усман и т. п., и русские по созвучию показали это имя и превратили в Устиман, или в Ус-

²⁷ И. И. Железнов. Поединщики. — Утро. Литературный сборник. М., 1859, с. 395.

²⁸ И. И. Железнов. Поединщики, с. 402—403.

²⁹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 1, с. 152.

³⁰ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 131.

³¹ Там же, с. 45.

тин — все это в порядке вещей»³². Доводы Железнова можно признать довольно основательными, если принять во внимание тот факт, что первоначальное имя зверя было все-таки Скимень, изменившееся под воздействием указанных собирателем обстоятельств. По мнению Железнова, описание наружности Устиман-зверя метафорично: «Например: на нем, на Устимане, шерсточка бумажная — это одежда рыцаря; щетинушки на нем бумажные — это броня; на каждой на щетинушке по жемчужинке — это украшение; посередь спины золото блюдо — это щит, или что-нибудь вроде щита, например, металлическая блестящая пластинками дощечка, какие бывают на панцирях...»³³

Подобное восприятие былинного персонажа Железновым шло, вероятнее всего, от народных исполнителей, отождествлявших фантастических зверей Скимна и Индрика, проникших в былинку из духовного стиха о Голубиной книге³⁴, с вражескими воинами. Так, И. Н. Чакрыгин, передавая собирателю предание «Три Ивана» о сражении на Куликовом поле, следующим образом описывает вражеских богатырей: «От трех ратей басурманских выехали три богатыря-поединщика, пристрашнующие. Каждый с ног до головы железом покрыт, точь-в-точь собака лютый Индик-зверь»³⁵. Железнов считал былинку «Устиман-зверь» продуктом общеказачьего устного творчества. «Хотя, — пишет он, — в приведенной мною песне упоминается Яик-река, на берегах которой убили Устиман-зверя, но я не дерзаю песню эту выдавать за местную яицкую, то есть уральскую: это была бы бесполезная натяжка, даже хуже, чем натяжка. Осиньке Вертячкину да некоторым казакам угодно было вклеить туда Яик-реку, но другие казаки вместо «к Яику-реке», поют «к Непре-реке», что значит к Днепр-реке»³⁶. Распространенность данного былинного сюжета среди уральских, донских и гребенских казаков Железнов объясняет тем, что все они «нередко встречались... в походе»³⁷. Важным представляется указание Железнова на принадлежность «Устиман-зверя» к южному типу песен. «Добрый молодец», убивший Устимана, есть «житель южных окраин России, где, в былое время, беспрестанно происходили столкновения с кочевниками»³⁸.

Железнов особое внимание уделял историческим песням. Записи этих песен произведены собирателем в крае, где в прошлом происходили многочисленные народные восстания, волнения и бунты свободолюбивого казачества. Это наложило определенный отпечаток на тематический состав записанных текстов. Примечателен, например, факт, что в публикациях Железнова почти отсут-

³² И. И. Железнов. Уральцы, т. 1, с. 152.

³³ Там же.

³⁴ В. Ф. Миллер. Казачьи эпические песни XVI—XVII вв., с. 285.

³⁵ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 3.

³⁶ И. И. Железнов. Уральцы, т. 1, с. 153.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же..

ствуют записи исторических песен, не связанные прямо или косвенно с историей Уральского казачьего войска. Из исторических песен, относящихся к общерусскому фольклору, Железнов записал и опубликовал песни о Ермаке: «Как на Волге-реке, да на Камышенке» (Ермак в казачьем кругу); «Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич» (Ермак у Ивана Грозного); «У нас-то было на батюшке, на тихийм Дону» (о Степане Разине); «По морю было, морю синему» (сон Разина); «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон» (об Игнате Некрасове); «Того месяца сентября» (о Емельяне Пугачеве). Тексты исторических песен, так же как и былины, опубликованы Железновым в составе прозаических материалов. Все они снабжены подробными комментариями и пояснениями собирателя.

Следует отметить прекрасную сохранность данных текстов, содержащих в себе многие архаические элементы, что очень важно при исследовании их как исторических памятников. На это обстоятельство обращали внимание исследователи русских исторических песен. В. К. Соколова называет тексты о Ермаке, записанные Железновым, «сложными эпическими песнями»³⁹. Б. Н. Путилов, анализируя сюжет «Ермак у Ивана Грозного», считает, что вариант Железнова «развернут наиболее полно» и «менее всего» подвержен «редакторскому вмешательству»⁴⁰. Оба текста о Ермаке записаны Железновым со слов старого казака А. Д. Барсукова и даны с подробным описанием обстановки, в которой происходила запись. Железнов указал на большую распространенность первого сюжета «Как на Волге-реке, да на Камышенке» среди уральских казаков. Он назвал ее «общеупотребительной» песней, «которую каждый казачонок споеет вам с большими или с меньшими пропусками»⁴¹. Эти слова Железнова перекликаются с мнением казака-сказителя: «Эту песню, батенька, везде в нашей стороне услышишь; почитай, каждый мальчишка ее знает»⁴². На чрезвычайную популярность этой песни указал и М. Л. Михайлов, интересовавшийся казачьим фольклором в 50-х гг. XIX в. «Так, вы часто услышите здесь, — пишет он об Урале, — известную песню про Ермака: «Как на Волге на реке, на Камышенке»⁴³. Наоборот, песня «Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич» характеризуется сказителем как довольно редкая. Железнов также подтверждает: песню, «о которой Афанасий Дмитрич отзывался как о редкостной, мне случалось слышать всего только раз».

³⁹ В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—VIII вв., М., 1960, с. 71.

⁴⁰ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, с. 262.

⁴¹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 273.

⁴² Там же, с. 271.

⁴³ Мих. Михайлов. Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1857 гг.). — В кн.: Морской сборник. Спб., 1859, № 9, с. 29.

Собиратель счел также необходимым подчеркнуть, что записал эту песню, «как и следует, слово в слово»⁴⁴.

Точно так же обстоит дело и с песнями о Степане Разине. Так, песня «По морю было, морю синему» была очень популярна не только во времена Железнова, но и значительно позднее. Песня же «У нас-то было на батюшке, на тихим Дону» известна только в единственной записи Железнова. Собиратель не дает разъяснений на этот счет. В. К. Соколова объясняет причину широкой распространенности среди казаков песни «Как на Волге-реке, на Камышенке» тем, что она воспеваает вольную казачью общину, не знающую «над собой иной власти, кроме «круга», — общего собрания казаков». «Для казаков, а вслед за ними и более широких масс, мечтавших о вольной жизни без господ и чиновников, — пишет она, — это был идеал общественной организации. Поэтому песня нашла широкий отклик, особенно у казаков и волжской «вольницы»⁴⁵. Однако воспевание казачьей вольницы характерно ничуть не в меньшей степени и для песен «Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич» и «У нас-то было на батюшке, на тихим Дону». Как нам представляется, песня «Как на Волге-реке, на Камышенке» и «По морю было, морю синему» являются позднейшими по своему происхождению. Они кратки, одноэпизодны. Характерно, что сам сказитель, старик А. Ф. Барсуков, называет песню о Ермаке «коротенькой»⁴⁶. Песни же «Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич» и «У нас-то было на батюшке, на тихим Дону» являются более древними эпическими песнями, сохранившимися к середине XIX в. только в памяти талантливых сказителей, таких, как А. Д. Барсуков и И. Н. Чакрыгин. Можно предположить, что у уральских казаков существовали «старшие» исторические песни. Два исследуемых сюжета отличает их необыкновенная близость к былинным текстам. Это, как известно, характерно для ранних исторических песен. В науке довольно долго их считали былинами.

В песнях и Ермак и Разин изображены в духе былинной традиции. На эту особенность сюжетов обратили внимание ученые. Б. Н. Путилов отмечает, что «в эпизоде сборов и поездки Ермака ощущается влияние былинной стилистики»⁴⁷. Действительно, этот эпизод напоминает сборы былинного героя в дорогу:

Ермак Тимофеевич ловил добра коня,
Добра коня что ни лучшего,
Добра коня богатырского.
Надевали на него уздечку тесмянную,
Накладывал потнички белы-бумажные,
Накладывал седелище черкасское,

⁴⁴ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 273.

⁴⁵ В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII вв., с. 71.

⁴⁶ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 270.

⁴⁷ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., с. 264.

Подтягивал двенадцать подпруг шелковых —
Не для красы — для крепости⁴⁸.

«В поведении Ермака, — пишет Б. Н. Путилов, — есть нечто богатырское. По-видимому, певцы ощущали некоторое сходство ситуации: Ермак так же независим и решителен, хотя и учтив, как и богатыри, когда они едут к князю Владимиру. Ермак тоже едет к Ивану Грозному, чтобы в конечном счете получить какое-то поручение большого государственного характера»⁴⁹. Наличие конфликта между Ермаком и боярами в песне Б. Н. Путилов объясняет влиянием былин, «в которых обычно столкновение богатыря с боярами в присутствии князя»⁵⁰. Следует добавить и то, что Ермак изображен в песне необыкновенно сильным человеком. Так, он обещает своим «братьям-товарищам»:

Тобол-город возьмем белой грудью,
Белой грудью возьмем, без свинца, без пороху,
Без свинца, без пороху, с камчатной с одной плеткою⁵¹.

Песня о Разине «У нас-то было на батюшке, на тихим Дону» многоэпизодна. В ней, так же как и в былинах, сделана попытка нарисовать картину всей жизни героя. Песня начинается с эпизода необыкновенного рождения Разина:

У нас-то было на батюшке, на тихим Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкаске,
Жила-была у нас тут благочестивая вдова;
Не имела-то она, братцы, бескорыстного греха,
А нынче вдова себе сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как млад-ясен сокол стал на возлете⁵².

А. Н. Лозанова совершенно справедливо отмечает близость данного эпизода к былине о Вольге⁵³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди казаков существовали особые эпические песни, воспевающие казачьих героев в духе былинной традиции. Их малочисленность и уникальность, отмеченные Железновым в середине XIX в., свидетельствуют о том, что эти песни, как и классические былины, к этому времени перестали удовлетворять эстетические запросы народных масс и вышли из успешного репертуара. Следует отметить, что сами исполнители связывали эти песни с первоначальной ис-

⁴⁸ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 271.

⁴⁹ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XIV вв., с. 264.

⁵⁰ Там же, с. 265.

⁵¹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 271.

⁵² Там же, с. 36.

⁵³ А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве М.—Л., 1935, с. 360.

торией яицкого казачьего войска. Так, И. Н. Чакрыгин обратил внимание собирателя на слова песни, в которых «согласнички» Степана Разина просят «батюшку-царя»:

Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку;
Мы заведем на реке Яике славный Яик-город.
Заведем мы его между двух речушек:
При первой речке при Яике быстрым,
При другой реке при Чагане тихим⁵⁴.

Эти слова песни, по мнению сказителя, подтверждают народную молву о том, что «в Разину пору тут, то-ись где теперь Уральск, была глушь и заросль»⁵⁵. Пропев песню, И. Н. Чакрыгин сказал: «Слышишь, Степан Тимофеевич и его согласнички, молодые корабельщички, собирались заводить город промеж быстрого Яика и промеж Чагана. Значит, место было пустое, незанятое»⁵⁶. Сам Железнов также был склонен иногда придавать песне характер исторического источника. В статье «Несколько замечаний уральского казака по поводу статей П. И. Небольсина об уральских казаках» Железнов высказал мысль о том, что Ермаку и его воинам были хорошо известны места на Яике, «где жили русские удалцы, не хотевшие носить на себе иго татарское». «В мысли этой, — пишет Железнов, — убеждает меня, кроме преданий и кроме предположений и суждений сведущих людей, одна казачья песня; сказка — складка, песня — быль: это не мешает взять в соображение». Железнов имел в виду песню «Как на Волге-реке, на Камышенке». Упоминания в этой песне Яика и яицких казаков, по мнению собирателя, «если не положительно указывают, то, по крайней мере, наводят на мысль, что в шайке Ермака были казаки с Яика»⁵⁷.

Железнов отметил широкое бытование на Урале песни об Игнате Некрасове «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон». Железнов в пояснении к тексту этой песни писал: «Хотя она относится к донцам, но и уральцы ее любят, и во всякой задушевнoй компании поют ее с чувством, с толком, с расстановкой»⁵⁸. Историческая справка, сопутствовавшая песне, свидетельствует об интересе Железнова к событиям восстания под руководством К. Булавина. Песня об Игнате Некрасове нашла широкий отклик у уральских казаков в силу многих причин. Прежде всего, события, изображенные в песне, были близки и понятны уральскому казачеству. На Яике, так же как и на Дону, часто производились различные переписи, розыски, заканчивавшиеся обычно жестокими расправами и ссылками. Известны, например, переписи яицких казаков в 1632 и 1723 гг., проводившиеся с целью ограничения допуска беглых на Яик. А волнения яицких казаков в 1771—1772 гг., когда убили генерал-майора фон Траубен-

⁵⁴ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 37.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 355.

⁵⁸ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 17.

берга, присланного на Яик для следствия, напоминают события на Дону, предшествовавшие Булавинскому восстанию. Все это способствовало тому, что песня прекрасно сохранилась в памяти уральского казачества.

О Пугачеве Железновым записан всего один сюжет. Это песня «Того месяца сентября», сообщенная собирателю старым казаком И. М. Бакировым в 1858 г. Отрывки из этой песни были записаны А. С. Пушкиным в Оренбургском крае в сентябре 1833 г. Песня известна также и в других записях⁵⁹. Вариант Железнова является наиболее полным. В песне рассказывается о ходе Пугачевского восстания, в ней упоминается также о волнениях на Яике, предшествовавших появлению Пугачева в Яицком городке. Пугачев в песне показан враждебно, о нем говорится как о «воре-собаке», действия пугачевцев расцениваются как бунт, сторонники вождя восстания названы изменниками и дураками. Песня не является собственно исторической. А. С. Пушкин называл ее «солдатской песней»⁶⁰. Железнов отмечал, что песня была непопулярна среди казаков как «солдатская», т. е. офицерная, внедрявшаяся начальством. Интересно мнение самого исполнителя о ней, приводимое Железновым. Он даже не оканчивает ее, отговариваясь, что дальше «запоматывал». «Да и с молоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их одрало, — прибавил рассказчик, — солдаты же, знамо, и приплели тут «донского казака — Емельяна Пугача!». А по-нашему, — продолжал старик, — по-нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович!»⁶¹

Внимание Железнова привлекали и песни, отразившие примечательные события, происшедшие непосредственно в Уральском казачьем войске.

В первую очередь его интересовали песни, в которых звучали мотивы непримиримости казачьей общины к царизму. Время создания этих песен можно отнести к началу XIX в. Это время, когда полностью были уничтожены в казачьей общине остатки самоуправления, когда произошла коренная ломка нравственно-бытовых традиций, социальная дифференциация в казачьей среде.

Разрушение патриархальных отношений в быту и службе, расширение внешних связей, социальное расслоение оказали влияние и на развитие песенного творчества казаков. Развитие песен идет по линии конкретизации содержания, усиления реалистических элементов, обобщения и заострения образов. Все эти качества характерны для песни «Не грозна туча из-за облака». Она правдиво передает события 1837 г., когда Уральское войско посетил царский наследник, будущий Александр II:

⁵⁹ См. об этом в кн.: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского, с. 221.

⁶⁰ А. С. Пушкин. История Пугачева. — Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. М., 1965, с. 301.

⁶¹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 168.

Не грозна туча из-за облака,
Туча поднималася;
Приезжал к нам на быстрый Урал
К нам небывалый гость.

Песня рисует непримиримые отношения казаков к царской власти. «Старики старожилые» требуют:

Ты заставь, заставь, царь-наследничек,
Нас жить по-старому,
Ты покинь, покинь, царь-наследничек,
Нас на быстрой реке⁶².

Эта песня при жизни Железнова не была опубликована. Появилась в печати она только в 1888 г. во втором издании «Уральцев». Можно предположить, что подобных песен Железнов записал немало, но, как и многие другие фольклорные материалы острого социального характера, он опубликовать не смог. В пользу нашего предположения говорят и отдельные упоминания собирателя о бытовании этих песен среди казаков. Так, в предании «Туча каменная» Железнов привел слова исполнителя о песне «На заре-то было, на зореньке»: «хорошая песня, да только под запретом»⁶³.

Довольно полно в публикациях Железнова представлены песни о военных походах уральских казаков в Хиву и на кочевников. Эти песни отличаются достоверным отражением исторических событий. В них часто упоминаются точные даты военных походов, названия городов, рек, мест сражения и пр. Все это давало основание Железнову приурочивать некоторые песни к определенным событиям, действительно имевшим место в истории Уральского казачьего войска, а также порой иллюстрировать примерами из этих песен свои исторические изыскания. В этом смысле Железнов в некоторой степени предвосхищал позднейшие увлечения представителей исторической школы в изучении русского фольклора. Примером подобного подхода является послесловие к песне «Не ясные соколики слетались». Основное содержание песни сводится к тому, что «добрые молодцы, уральские казаченьки» собирают круг, на котором выбирают «походного» атамана и «залетного» есаула. Атаман обращается к казакам с призывом:

Еще долго ль нам, ребята, на Дарье стоять?
На Дарье стоять, ребята, караул держать?
Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера,
А Куван-реку пройдем во глуху полночь,
А в Хиву придем вкруг белой зари⁶⁴.

Свои выводы Железнов формулирует на основе тщательного анализа многих вариантов этой песни. Рассматривая вариант песни, опубликованной М. И. Иваниным⁶⁵, членом русского географиче-

⁶² И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 126.

⁶³ И. И. Железнов. Уральцы, т. 1, с. 342.

⁶⁴ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 45.

⁶⁵ М. И. Иванин. Уральские песни. — «Отечественные записки», 1848, т. 59.

ского общества, собиратель обнаружил в нем многочисленные подделки и вставки. «У собирателя уральских песен, г. Иванина, — пишет он, — между прочим, есть в этой песне вот какие стихи:

Налета мы возьмем походного,
Нечая-казака возьмем бывалого...

Но уральцы, известно мне, имени Нечая в этой песне не упоминают, да и не к чему, как увидим ниже. Я спрашивал об этом многих казаков-песельников, но от всех и каждого получал в ответ: «не знаем, не слыхали»⁶⁶. Железнов делает предположение о том, что Иванин воспользовался историческими сведениями и преданиями⁶⁷ о походе казачьего атамана Нечая в Хиву в 1603 г., «вставил имя его в песню, желая, вероятно, определить тем время и событие, с которых взялась песня»⁶⁸. В противоположность подобному подходу Железнов ратует за бережное отношение к народной песне. «Вышеприведенная песня, — подчеркивает он, — с достоверностью можно сказать, написана мною так, как она поется у нас на Урале теперь и как, по отзыву старожилков, пелась в старину»⁶⁹. Недоверие к записям Иванина было высказано также М. Л. Михайловым. Имея в виду запись Иванина, Михайлов писал: «В одном напечатанном варианте атаман прямо называется Нечаем, но с этим именем песни я не слыхал»⁷⁰.

Правильно указав на недостатки собирательской практики Иванина, сам Железнов не удержался от соблазна установления «точных» исторических аналогий к песне. Правда, следует отметить, что эти доказательства не лишены оригинальности и отмечены прекрасным знанием собирателем истории и воинского быта казаков. По мнению Железнова, песня должна «выражать какосе-нибудь важное в истории казаков событие»⁷¹. Железнов считал, что героем песни не мог быть ни предводитель первого похода казаков Нечай, ни предводитель второго — Шамай, так как оба они являлись войсковыми атаманами, а не походными. Железнов видел в событиях второго похода ситуацию, сходную с песенной, когда атаман Шамай по дороге в Хиву попал в плен к калмыкам, и отряд его остался без вожака. «Вот в то-то тяжкое время, — пишет Железнов, — когда у казаков не стало атамана Шамаю, когда они, скитаясь около Сыр-Дарьи, принуждены были на каждом шагу беречься или окарауливаться от врагов, когда, не падая духом, надеялись еще на удачу, — вот в то-то время «ка-

⁶⁶ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 46.

⁶⁷ Подробные сведения о двух походах яицких казаков в Хиву под руководством атаманов Нечая и Шамаю в начале XVII в., закончившихся трагически для казаков, содержатся в примечаниях к «Истории Пугачева» А. С. Пушкина (т. 8, с. 281—285).

⁶⁸ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 46.

⁶⁹ Там же, с. 47.

⁷⁰ Мих. Михайлов. Уральские очерки. (Из путовых замсток 1856—1857 гг.), с. 23.

⁷¹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 47.

заченьки», можно предположить, и думали «крепку думу» о выборе другого атамана — походного, т. е. временного, который бы довел их до Хивы»⁷².

Стремление Железнова определить «смысл песни» часто приводило к интересным открытиям. Примечателен в этом смысле его комментарий к песне «Утва», рассказывающей о битве казаков с киргиз-кайсаками на реке Утве. Сравнивая «множество вариантов» песни, Железнов заметил, что в некоторых из них вместо выражения «казачьего атаманушки» встречается «стрелешко атаманушки». «Из этого можно заключить, — делает вывод собиратель, — что песня эта в корне своем принадлежит не одним яицким казакам, а всему русскому народу, претерпевшему в старину нередкие поражения от орды»⁷³. Метафорическое изображение поля битвы как засеянной пашни, свойственное началу казачьей песни, дает основание Железнову сделать следующий вывод: «Яицким казакам, как выходящим из городов и селений великорусских, не могли быть неизвестны песни, начинающиеся подобным сравнением»⁷⁴. В подтверждение этой мысли Железнов ссылается на публикацию русских песен П. В. Шейна⁷⁵, в которой «есть две песни, где поле побоища сравнивается тоже с пашней»⁷⁶. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что Железнов в данном случае довольно верно истолковывает происхождение песни, которое объясняется варьированием старого поэтического мотива. Он пишет: «Казачи, претерпев значительное поражение за р. Утвой, и приурочили песню к своему несчастью»⁷⁷.

Железнова всегда интересовала народная оценка фольклорно-произведения. Он постоянно обращал внимание на то, что исполнитель старался отделить истинно народное произведение от навязанного народу. Так, старик А. Д. Барсуков, рассказывавший собирателю предание о Хиве, привел и ура-патриотическую песню «Славно, братцы, пришло время». Железнов привел комментарий исполнителя к этой песне: «Идучи вперед... все песни распевали, особенно одну, что на этот случай нарочно сложили, а сложил кто-то из господ, что при Перовском были, часто эту песню распевали... Зато, путешествуя назад, никто и не заикался про эту песню; заказано было: стыдно-де»⁷⁸. К типу песен, «сложженных доморощенными поэтами», Железнов относил и песню «Кайбала — салтан-разбойник», распространявшуюся местными властями среди казаков. Песня направлена была против султана Каиб Галия Имамова (Кайбалы), выступившего против хана

⁷² И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 48.

⁷³ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 73.

⁷⁴ Там же, с. 73—74.

⁷⁵ «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1854, № 3.

⁷⁶ И. И. Железнов. Уральцы, т. 3, с. 73.

⁷⁷ Там же, с. 74.

⁷⁸ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 119—120.

Джангира. Последний пользовался покровительством царского правительства.

Железнов также указал на случаи, когда талантливые сказители сочиняли свои песни на какой-нибудь известный мотив. В рассказе «Вот как мы служили» он приводит песню «Как во нынешнем во годе», сочиненную А. Д. Барсуковым. Песня сатирически описывает службу казачьего отряда в степи. В особенно неприглядном свете рисуется командир отряда:

Под ним лошадь солова,
Пуста его голова!⁷⁹

Железнов выделил песни уральских казаков о Яике. Это песни «Яик ты наш, Яикушка», «Ты Яик, Яик, быстра реченька», «Выметывал наш Яикушка» и др. Исследователи казачьего фольклора затрудняются в определении жанра этих песен. В. К. Соколова, признавая, что в песне о Яике есть «кое-какие отголоски «Смуты», считает все же, что «это не песня о «Смутном времени», а казачья песня о родной реке-кормилице, в отдельные варианты которой попало упоминание о пребывании Марины с Заруцким на Яике»⁸⁰. Е. И. Коротин называет песни о Яике «особыми формами песенного повествования», не определяя, какими именно⁸¹. Очевидно, перед нами все же казачьи исторические песни, когда довольно широко и подробно освещавшие участие яицких казаков в событиях Смутного времени. В них довольно четко просматриваются отдельные исторические реалии того времени. Так, например, постоянен мотив о затопленной в Яике лодочке «С золотой казной со Маринкой, /В каменной Москве ей награбленной»⁸². Как нам представляется, этот мотив является исконным в песне.

Нельзя не учитывать и того факта, что события, происходившие в период Смуты на Яике, в частности «сидение» Заруцкого и Марины на Медвежьем острове, широко отразились в фольклоре уральских казаков, например в историческом предании «Марина—беглая царица», в легенде «Гришка-Расстрижка» и др. Маловероятно, чтобы столь заметное событие в истории яицкого войска не отразилось и в песенном фольклоре казачества. В пользу этого говорят и наблюдения собирателей фольклора уральского казачества над живым бытованием песен о Яике. Чрезвычайно важным представляется указание Железнова на то, что в устах исполнителей эти песни всегда ассоциировались именно со временем пребывания на Яике Заруцкого и Марины Мнишек. Примечательно, что песню «Ты Яик, Яик, быстра реченька» исполни-

⁷⁹ И. И. Железнов. Уральцы, т. 1, с. 393.

⁸⁰ В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII вв., с. 113.

⁸¹ Е. И. Коротин. Образ Дона и Урала в донских и уральских песнях.— В кн.: Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963, с. 216.

⁸² И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 285.

тель И. Н. Чакрыгин привел в составе предания «Марина—белая царица», чтобы сообщить своему рассказу большую достоверность⁸³. Интересны также наблюдения М. Л. Михайлова, записывавшего казачий фольклор на Урале в 1856—1857 гг. «Из песен, — сообщает он, — больше всех отличается старым характером песня про Яикушку. Она любимая у уральцев и на редкой казачьей сходке после рыболовства не услышите вы ее»⁸⁴. Михайлов подчеркивал, что первоначальная, древняя, т. е. историческая, основа песни постепенно забывалась. В частности, он писал по этому поводу: «Песня не обошлась, разумеется, без прибавок и перемен в течение времени: «Каспицкое» море и город Гурьев, например, вероятно, явились в ней взамену других имен и иных стихов; многое, конечно, исчезло из песни...»⁸⁵.

И. И. Железнов не только записал на Урале в середине XIX в. большое количество текстов былин и исторических песен, но и сделал ряд свежих и глубоких для своего времени выводов и наблюдений над характером их бытования, дал комментарий к большинству текстов, сообщил подробные сведения о сказителях и об их отношении к исполняемым произведениям, выявил социальный смысл и историческую обстановку, в которой те слагались.

Изучение фольклорного наследия И. И. Железнова, в частности былин и исторических песен, поможет объективнее оценить значительность его вклада в русскую науку.

⁸³ И. И. Железнов. Уральцы, т. 2, с. 285.

⁸⁴ М. Л. Михайлов. Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1875 гг.), с. 21.

⁸⁵ Там же, с. 22.